

Носов Укробури

Выдающийся советский астрофизик Иосиф Самуилович Шкловский (1916 – 1985) принадлежал к тому типу ученых, которые любят и умеют шутить. В воспоминаниях знавших Иосифа Самуиловича, сохранилось немало примеров его шуток и остроумных, хотя порой довольно едких, высказываний. Многим известен сборник его воспоминаний «Эшелон», вышедший по частям в журнале «Химия и жизнь» в 1988–92 гг., а в 1991 г. — отдельной книжкой. В коротком предисловии Шкловский пишет, что ученым стал случайно, а хотел стать художником-портретистом. Вряд ли эти слова следует воспринимать всерьез, но в каждой шутке нередко содержится и нечто серьезное.

В предлагаемой публикации, приуроченной к 100-летию со дня рождения И.С. Шкловского, мы, сотрудники Музея ГАИШ МГУ, хотим познакомить посетителей сайта ГАИШ еще с одним образцом юмора Иосифа Самуиловича – его дружескими шаржами, регулярно появлявшимся в знаменитой некогда стенгазете ГАИШ – «Владилена».

В наше время стенгазеты сохранились, пожалуй, только в школах, и то далеко не во всех. А когда-то это было весьма популярным способом общения, критики, воспитания в самых различных коллективах. Так сказать, прообраз современных интернет-форумов. Естественно, своя стенгазета была и в ГАИШ. Назвали ее «Владилена» («Владимир Ленин», есть такая малая планета, открытая, по странному совпадению, в год рождения И.С. Шкловского – в 1916 г., правда, название свое получила несколько позже, в год смерти В.И. Ленина – в 1924-м.). Появилась стенгазета в ГАИШ в знаменательное время, в конце 1944 г. К победному концу шла Великая отечественная война. Возвратившиеся в 1943 г. из эвакуации сотрудники и студенты ГАИШ включались в научную и бытовую жизнь Москвы, еще военной, но уже дышавшей приближающейся Победой (после первого — в честь освобождения Орла и Белгорода — салюта 1943 года, открывшего целую предпобедную серию их...). «Владилена» просуществовала до конца 1980-х, последние тексты для неё набирались уже на первых в ГАИШ компьютерах.

Наряду с текстами видное (во всех отношениях) место в газете занимали рисунки на злобу дня. Ее главным иллюстратором стал И.С. Шкловский, не только уже известный астрофизик, но и незаурядный карикатурист с острым взглядом на окружающие события гаишевской жизни. Собранные на отдельных листах, переплетенных в альбом, они хранятся теперь в Краснопресненской обсерватории (Музее ГАИШ), то есть в том самом месте, где начиналась некогда аспирантская, научная и педагогическая (в т.ч. его первые лекции по новой для МГУ радиоастрономии) деятельность Иосифа Самуиловича.

Представленные здесь рисунки И.С. Шкловского не только отражают еще одну грань его таланта, но и напоминают о той поре (а современную молодежь знакомят с нею), когда еще не очень большой коллектив ГАИШ, «из дальних странствий возвратясь», жил единой дружной семьей, где наука тесно переплеталась и с немалыми бытовыми заботами, и с творчеством (маститые профессора участвовали в драматической самодеятельности,

а чуткий к слову П.Г. Куликовский блистал в своих выступлениях целым соцветием забавных выражений, почерпнутых им из научных докладов коллег...). Много из этой жизни нашло отражение и в рисунках-шаржах И.С. Шкловского.

Эта публикация его рисунков подготовлена сотрудниками Краснопресненской лаборатории и Музея ГАИШ (И.К. Лапиной – копирование и компьютерная обработка рисунков, А.И. Еремеевой и Ю.Л. Менциным – комментарии к ним, работу завершила И.В. Миронова).

Мы попытались по мере возможности сделать к рисункам пояснения, понимая, что они будут бесполезны нынешним гаишанам и особенно студентам. Ведь некоторым рисункам Шкловского более 70 лет! Люди старшего поколения в пояснениях, конечно, не нуждались бы. Но мало их осталось среди нас. Составители глубоко признательны сотрудникам ГАИШ послевоенного времени за внесенные поправки и дополнения. Так, вряд ли бы появились комментарии к некоторым рисункам без помощи наших замечательных астрономов-ветеранов Галины Александровны Пономаревой и Ольги Дмитриевны Докучаевой. В свои более чем преклонные годы (Галине Александровне в День Победы исполнилось 89 лет, а Ольга Дмитриевна 22.12.2015 отметила 90-летний юбилей!) они не утратили деятельного интереса к своему ГАИШ, а главное – сохранили в своей памяти давние события из его многогранной жизни. Дополнительным источником сведений об истории ГАИШ стали воспоминания Натальи Борисовны Григорьевой («Сорок лет в стенах Московской университетской обсерватории»./ ИАИ (Истор.-астрон.исслед.). Вып. XXIV, 1994, 352– 370), астрономическая справочная литература, даже Интернет, а порой и срочные консультации по телефону (к работе подключились и наш отдел кадров — Татьяна Викторовна Матвейчук, и дочь акад. В.Г. Фесенкова Лидия Васильевна). Таким образом, подготовка публикации, посвященной И.С. Шкловскому-художнику, стала настоящим коллективным трудом, который мы и выносим на суд читателя и зрителя.

Много раз писать пыталась.
 Стенгазета отказалась
 Помещать мои статьи —
 Все они не хороши.
 Еще раз писать решаюсь,
 В стенгазету обращаюсь,
 Но в последний, если Вы
 Не поместите стихи.
 Наш местком в составе новом
 Обращается со словом,
 Чтобы дружно жизнь зела
 Институтская семья.
 Мы стихами излагаем,
 Всё порядком повторяем.
 Только просим прочитайте
 И на ус свой намотайте.
 Вы с месткомом не шутите,
 Членский взнос в союз платите,
 Мы порядок навели,
 Строги правила ввели.
 На собраниях не курите,
 До конца их потерпите,
 А закурите, тогда
 Будет Вам от нас беда.
 Труд уборщиц берегите:
 На пол пепел не трясите.
 И окурков не бросать —
 Надо в пепельницу класть.
 Держать твердо дисциплину
 Должен каждый в ту минуту,
 Когда немец не добит,
 Нам обязанность велит.
 Обязательства давайте,
 Лучше Вы их выполняйте,
 Первомайским светлым днём
 Мы итоги подведём.

Стихи, прямо скажем, не пушкинские, но
 главное — из них видно, что написаны они,
 когда еще шла война — упоминаются
 «недобитые немцы». Судя по отметке в
 альбоме, куда перенесли рисунки, это 1944г.,
 видимо, уже конец года. На рисунке справа
 наш известный «солнечник» и
 астрофотометрист д.ф.-м.н. Евгения
 Яковлевна Богославская (1899 –1960)¹,
 очевидно, внушает правила нового месткома
 кому-то из нерадивых сотрудников в зимнем
 одеянии (в ГАИШ с печным отоплением
 бывало очень холодно), нарушающему эти
 правила. Ну, а борьба с курением, как
 известно, продолжается и по сей день...

¹ Действительная фамилия которой (Богославская) обрела загадочное звучание
 под давлением новой советской идеологии...

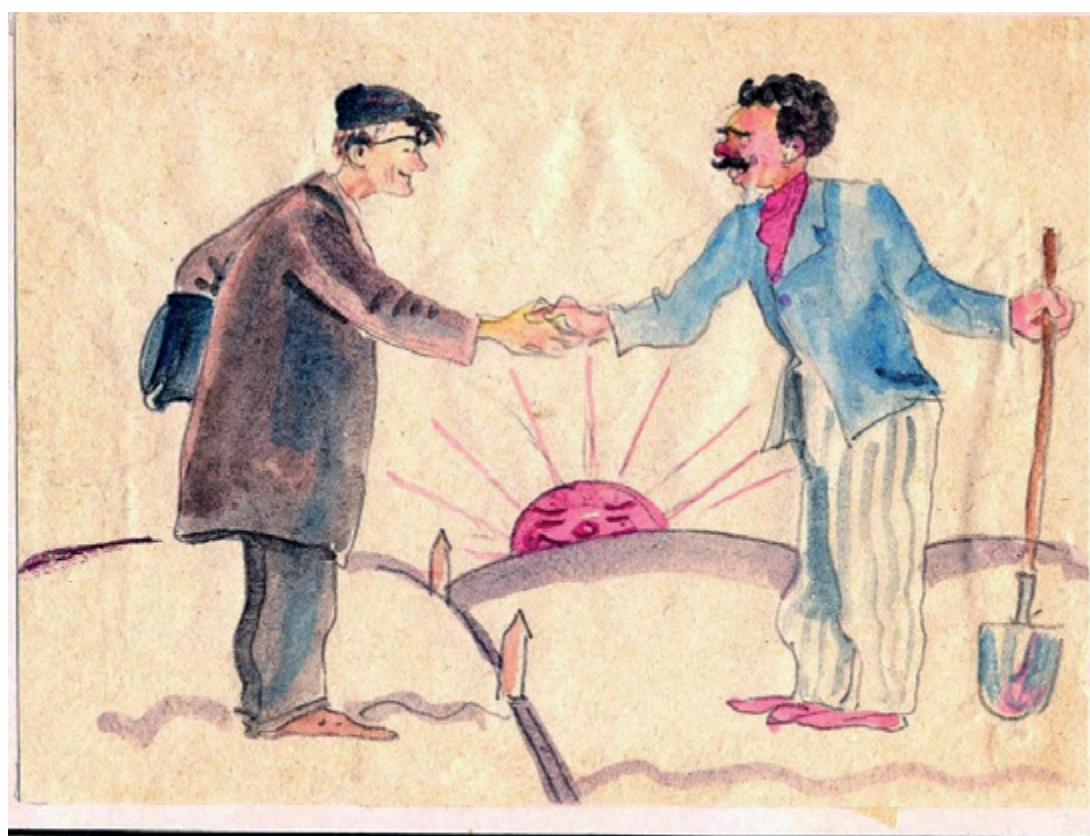

В годы войны вся свободная территория ГАИШ на Пресне (на южном склоне) была превращена в огороды. Они служили подспорьем для сотрудников еще и в 45-м. Но

человеческая природа неисправима – урожай порой успевали раньше «убрать» более ловкие гаишевские соседи, оставляя огородникам-ученым лишь «видимое ничто» (вершки от морковки и картошки):

Когда же овощи спели,
Соседи сильно порадели:
Себе сняв всюду корешки,
Оставили ГАИШ вершки.

Соседи землю разделили
И разну овощ посадили.

В первые послевоенные годы в старом ГАИШ на Пресне были нередки проблемы с электричеством (к тому же электричество еще веерно отключали и в самой Москве). Но местные неполадки удавалось устранять Митрофану Степановичу Звереву (1903 – 1991, в 1945 – 1951 гг. зам. директора ГАИШ). На левом рисунке в синем платье Е.Я. Бугославская (в образе «носящейся Женечки»...). А справа в темноте – гаишане греются у печки.

ГАИШ встречал гостей уныло,
Была хозяйка «Новой звездой»,
И лишь салют светил ретиво;
Носилась Женечка стрелой.

Когда же Зверева стараньем
Благословенный дали свет —
Душой воспрянуло собрание,
На стол был подан венгдет.

Веселье было неподдельным:
Вино здесь было не при чём.
Дым самоварный стался темью,
Но чая не было потом.

ГАИШЕВЦЫ унылы были,
А ГОСТИ весело трунили.

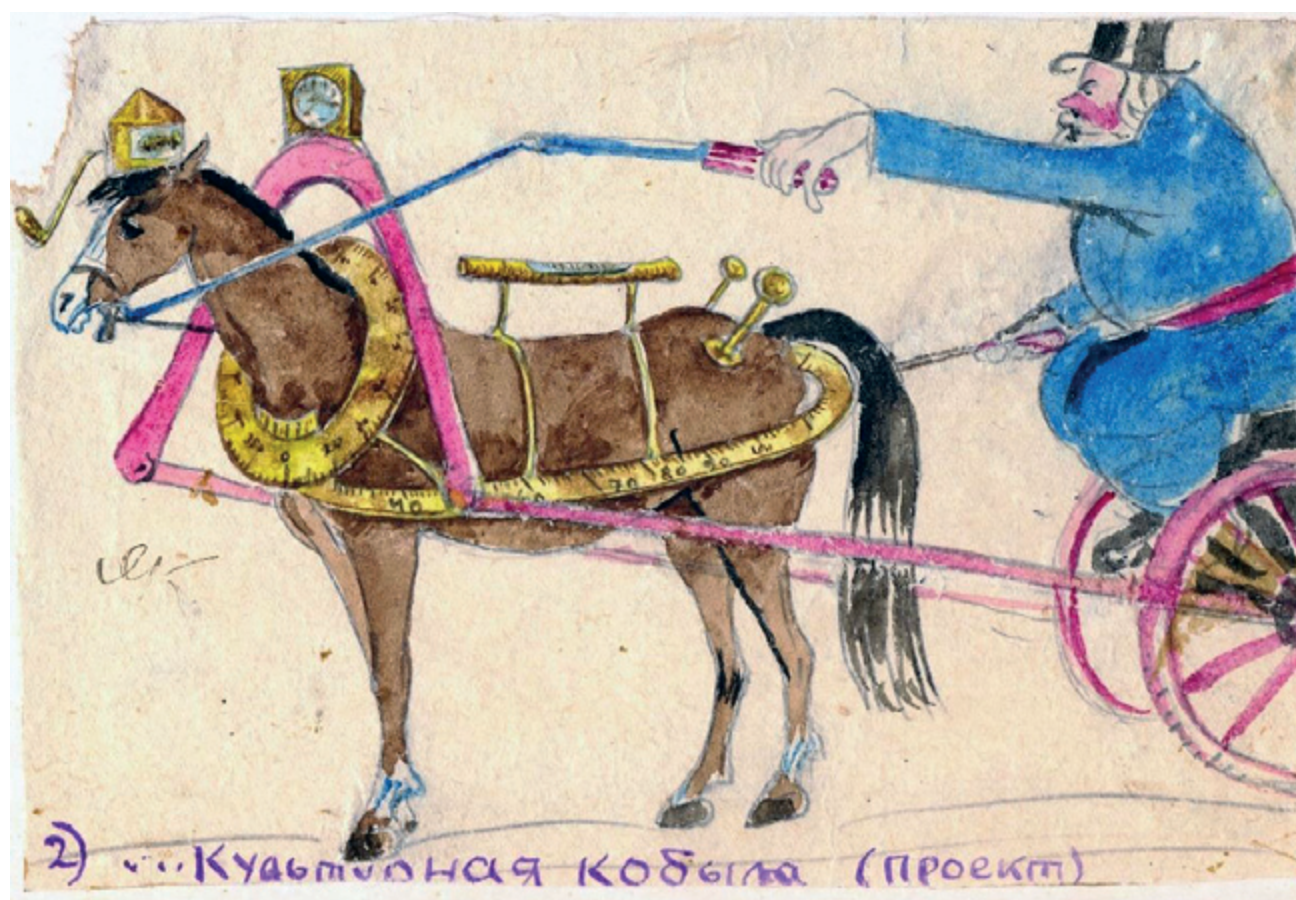
Редактор «Владилены» Наталья Борисовна Григорьева (1913 – 1990)¹, не только сотрудник ГАИШ, но и заботливый воспитатель и покровитель студенческого народа, «милостиво» готова принять очередную заметку от очередного автора, в роли которого, похоже, выступает проф. Сергей Николаевич Блажко (1870 – 1956).

¹ Годы жизни Н.Б. Григорьевой помогла установить Т.В. Матвейчук.

Видимо, типичная ситуация с 15-дюймовиком в обсерватории старого ГАИШ: шестиметровая труба телескопа, которую, зацепив инструмент за единственно доступный ее росту искатель, старается повернуть кто-то из наблюдательниц, «взнуздав» его, как строптивого коня, сопротивляющегося, несмотря на все старания и даже заботу (см. мешок овса справа) ...

А на следующем рисунке художник, вероятно, предлагал шутливый проект более «управляемой» установки для наблюдений («Культурная кобыла»)... Кстати, слева под мордой лошади, можно заметить его автограф

С.В. Орлов

о появлении кометы с хвостами
сразу трех типов.

Я знаменье постиг!
Сие явление
Необычайного треххвостного светила
Великие вещает перемены
И реконструкцию великую ГАИШ'а.
Сбылися чаянья,
Грядущее открыто!
Я понял знаменье
И... вычислил орбиту!

Четыре рисунка разных лет под общим заголовком

1952 г. – Мечты Сергея
Владимировича Орлова (1880 – 1958, в
1943 – 1952 директор ГАИШ и зав.
отделом комет) в предвкушении
переезда института на Воробьевы
(тогда Ленинские) горы.

1953г. – Назначенный в 1952 г.
директором ГАИШ проф. Борис
Васильевич Кукаркин (1909 – 1977) уже
год спустя тяготился этой
административной должностью.

Б.В. Кукаркин

о переходе с административной
на чисто научную работу

Достиг я высшей власти.
Уж больше года царствую спокойно,
Но счастья нет измученной душе.

А.Б.СЕВЕРНЫЙ
о поездке в Америку.

Да ведь это просто
наш Конопот. Только в тысячу
раз шире и выше.

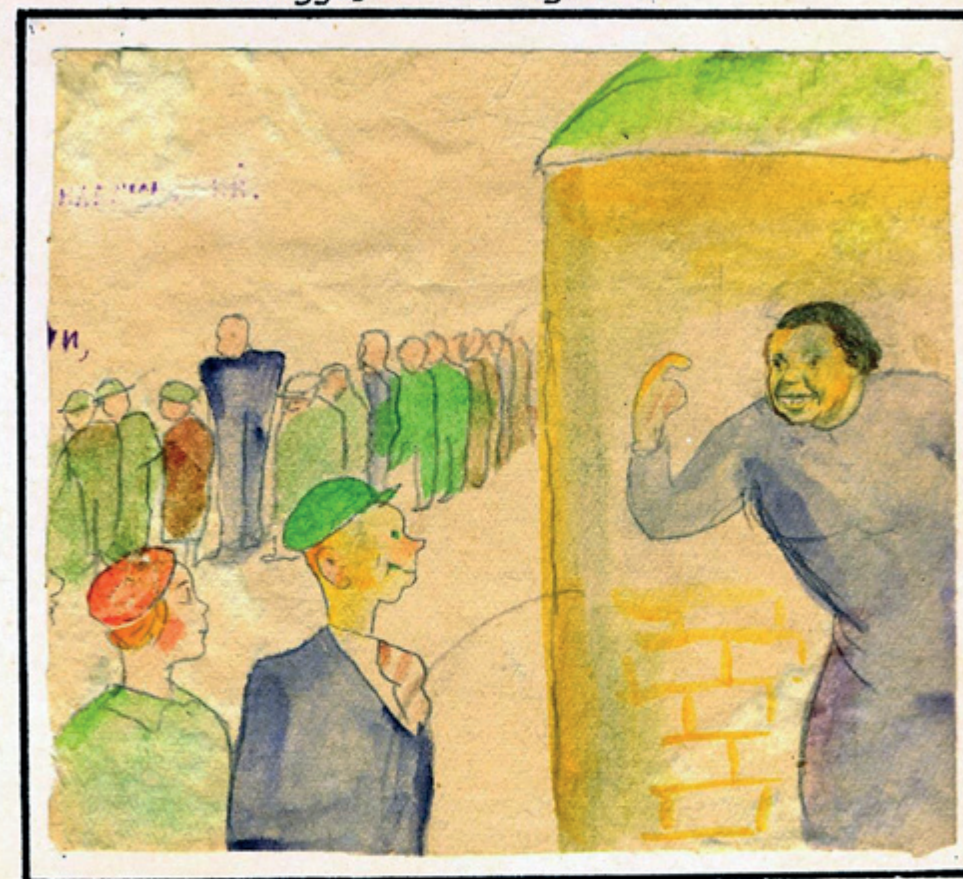
Андрей Борисович Северный (1913 – 1987) – известный астрофизик, сотрудник ГАИШ в 1938 – 1946 гг. (впоследствии, с 1952 г. директор Крымской астрофизической обсерватории АН СССР, с 1968 г. академик, вице-през. МАС (1964 – 1970). Мечтая попасть в Нью-Йорк, он, однако, заранее «свысока» и в духе времени сравнивает его (словами Маяковского) с Конопотом, провинциальным городком в Сумской области.

Сцена из студенческой практики – рвение их к участию в наблюдениях. В качестве ее

руководителя выступает

Е. Я. Бугославская

о длинных очередях студентов,
жаждущих наблюдений.

От зари до зари,
Чуть зажгут фонари,
Вереницы студентов собираются.
И все ночи подряд
На светила глядят
И еще кое-чем занимаются.

Еще четыре рисунка из разных выпусков газеты

Слева сверху: Лозинский Александр Маркович (1911–2004). Он любил фотографировать и не расставался с фотоаппаратом. Был сотрудником ГАИШ, но после очередной «чистки» 1949 – 52-х гг. (годы «борьбы с космополитизмом», в действительности же развернувшаяся тогда скрытая гос. кампания антисемитизма, «пятый пункт» – национальность в анкете, к тому же А.М. родился в Мюнхене!), в 1952 г. вместе с А.Л. Зельмановым (1913 – 1987), Б.Ю. Левиным (1912 – 1989) и мн. др., даже просто «неудобными» (всего 17 чел.), был уволен. (А.Л. Зельманов вернулся позднее в ГАИШ, Б.Ю. Левин стал одним из ведущих сотрудников в космогоническом отделе О.Ю. Шмидта в Ин-те физики Земли. И.С. Шкловского в те годы сумел отстоять ректор МГУ

академик И.Г.Петровский). А.М. Лозинский стал сотрудником Астросовета АН СССР и одним из создателей его загородной обсерватории в Звенигороде.

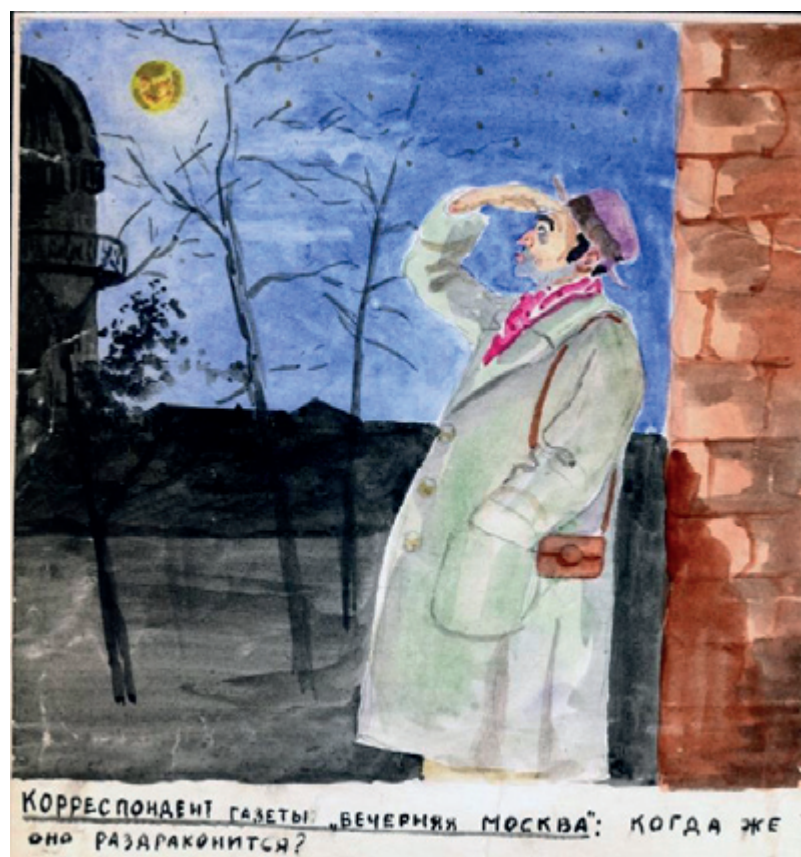
Справа сверху: дружеская фото-шутка И.С. по поводу фотомастерства А.М.

Слева внизу. Загадочная сцена из «ненаучной» жизни старого ГАИШ. (Напрашивается гипотеза: кто-то из «огородников» в творческом запале: «А не снести ли и эту башенку под посадки...».)

Справа внизу. Суровые условия наблюдений в старом ГАИШ; в скором времени «к услугам» студентов в новом здании на Ленгорах была уже уйма мягких диванов, на которых можно было «прикорнуть» даже и днем...

Разочарование и ирония редакции стенгазеты на ожидание и наблюдения метеорного потока «дракониды» в октябре 1946 г. Ожидалось, что плотность потока составит до нескольких сотен метеоров в час, и он таким был, но в Москве максимум потока пришелся на предутренние часы, и наблюдать его полностью не удалось, обильный метеорный дождь наблюдали в Западной Европе.

В послевоенной тесноте старого ГАИШ мечты о новом здании витали в воздухе, каждый мечтал о наиболее удобном для себя рабочем месте:

Вверху – слева: М.С.Зверев (тогда зам. директора ГАИШ) видит себя в окружении усердно трудящихся под его присмотром сотрудников;

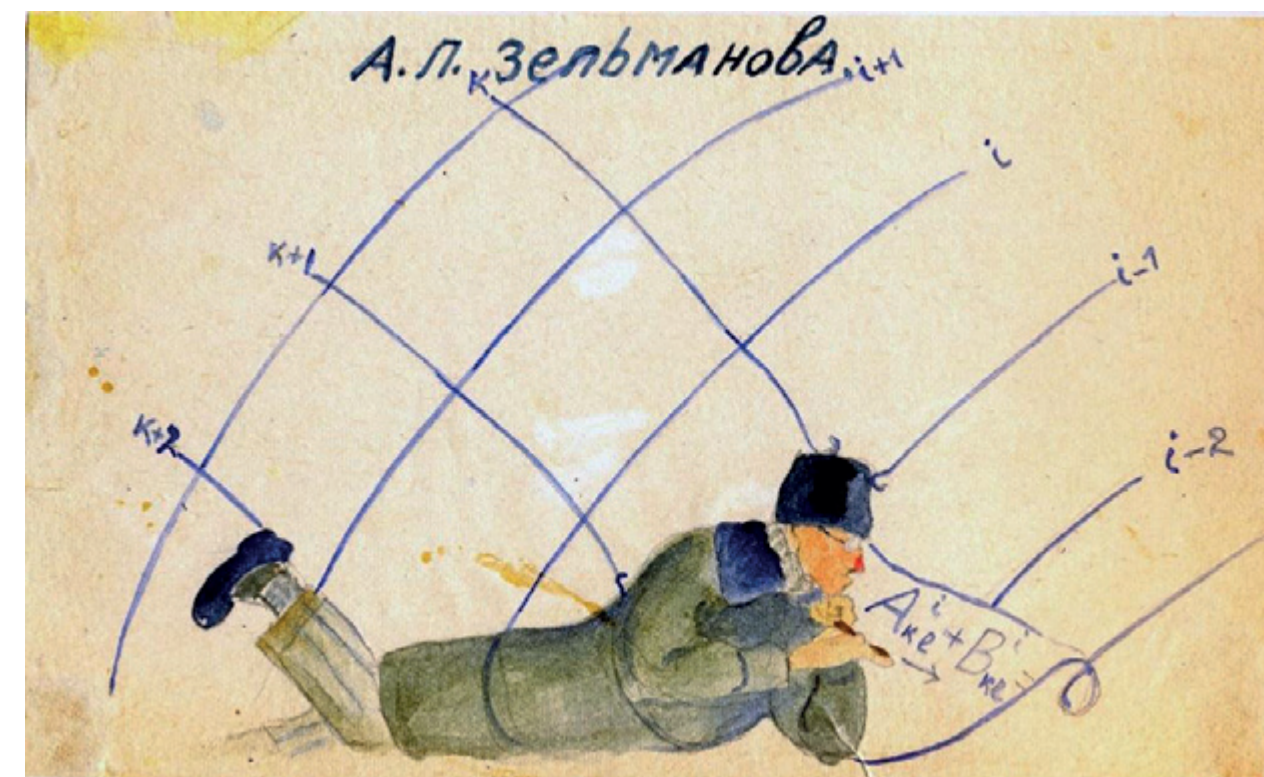
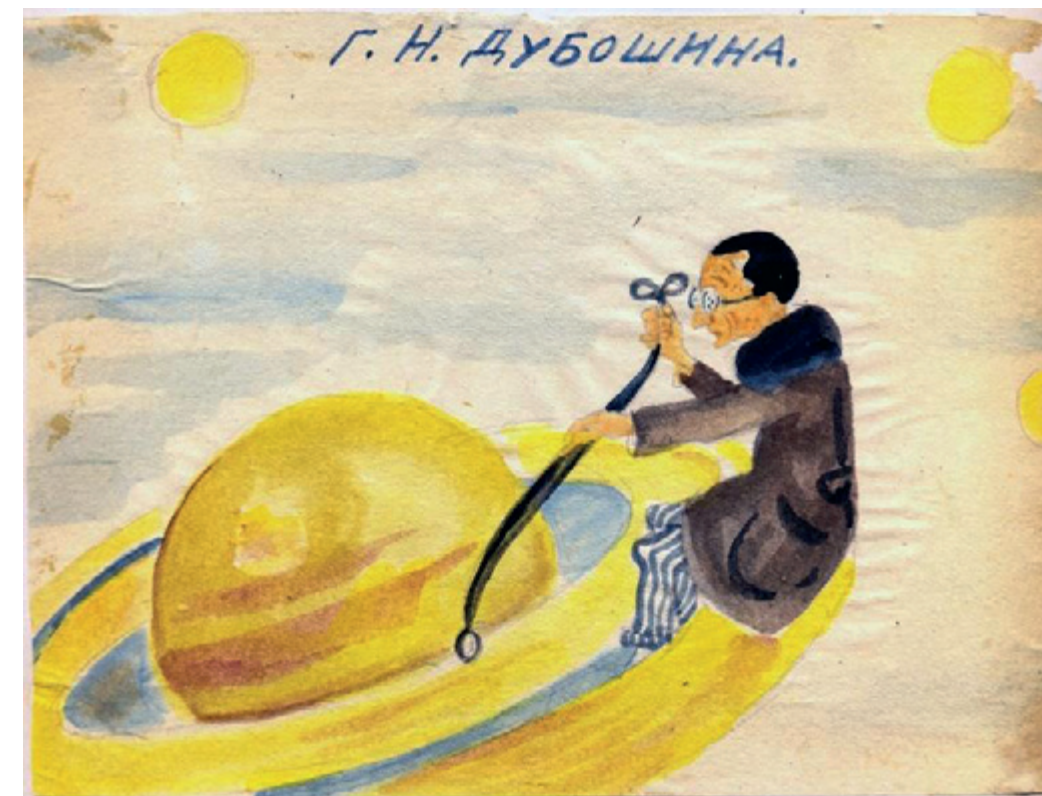
справа – глава небесных механиков Георгий Николаевич Дубошин (1904 – 1986) лучшим рабочим местом считал бы... сами кольца Сатурна (одно из которых он подгоняет интегралом, как мальчишки колесо железным крючком...).

Внизу – слева: Иосиф Федорович Полак (1881-1954) – старейший сотрудник Университетской обсерватории (с 1905 г.). Он читал в ГАИШ в послевоенные годы курс истории астрономии, однако, будучи специалистом-кометчиком, удобнее всего чувствовал бы себя не иначе как на хвосте благосклонной к нему кометы...

справа – наш великий космолог Абрам Леонидович Зельманов, наиболее комфортно ему было бы в искривленном космологическом пространстве («как рыба в воде», хотя здесь и в «сети» — искривленных координатных линий...)

ПРОЕКТЫ РАБОЧИХ МЕСТ СОТРУДНИКОВ ГАИШ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ:

Б. А. Воронцову снится новое переселение астрофизической лаборатории.

А. Л. Зельманову снится невеста в сопутствующих координатах.

С. Б. Пикельнеру снится, что оппоненты дали, наконец, отзыв о его диссертации.

И. С. Шкловскому снится, что во все дни его наблюдений сплошная облачность.

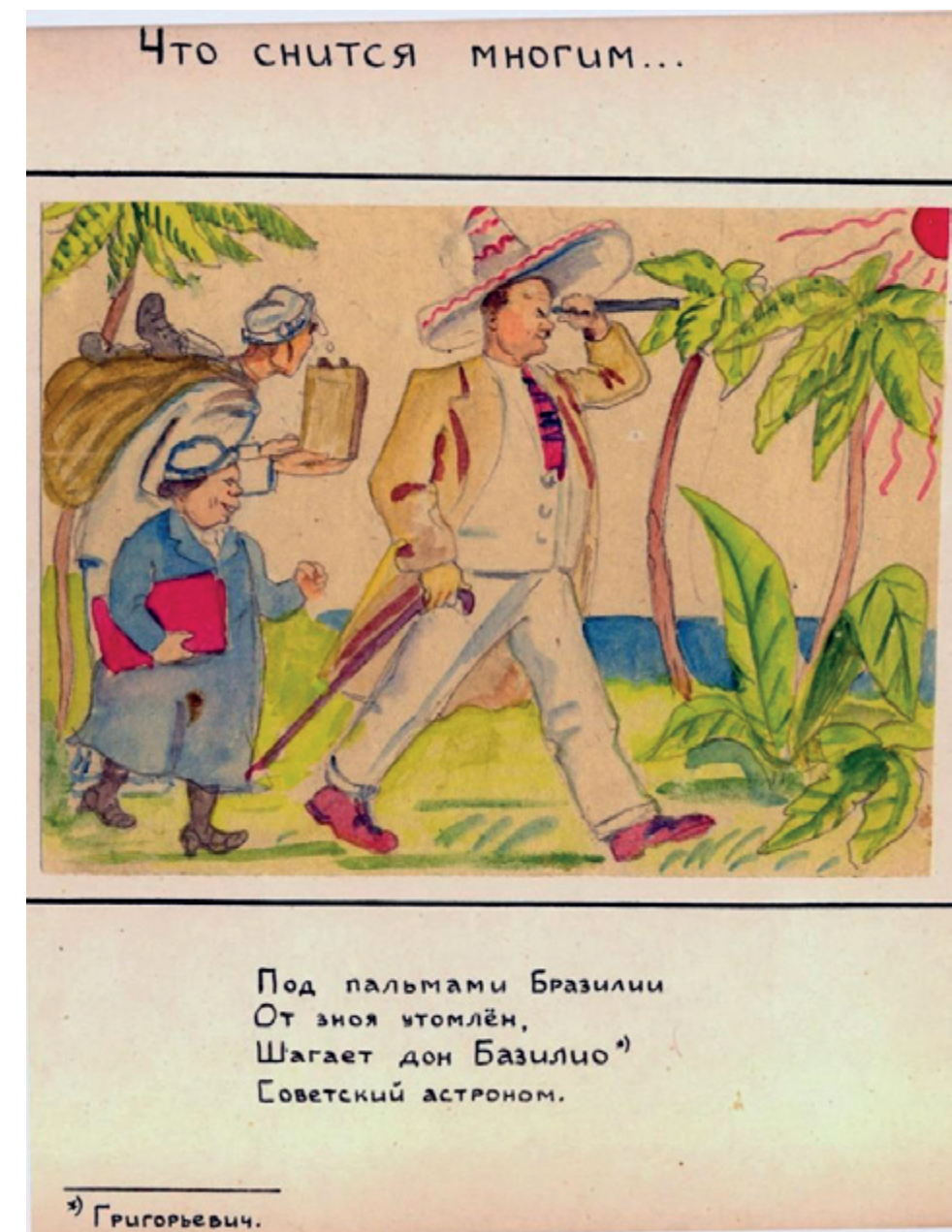
П. И. Бакулину снится, что у него достаточное количество соли, чтобы насыпать на хвост уходящим из службы времени дежурным.

А. Б. Северному снится, что он перестал крутить шарики /Эмдена/.

Э. Р. Мустелю снится, что он уже достал воробушка.

Институту снится, что проф. Н. Д. Моисеев появился, наконец, на учёном совете.

П. П. Паренаго снится, что население галактики увеличилось его трудами.

Академик В. Г. Фесенков (1889 – 1972) в Бразилии (в экспедиции по наблюдению солнечного затмения 1947 г.). Его сопровождает Е. Я. Бугославская, а рядом с нею некто, нагруженный приборами (уж не Н. Б. Дивари ли?). Но здесь, действительно, лишь сны под новый 1947 год, ведь ни В. Г. Фесенков, ни Е. Я. Бугославская в той экспедиции не были. Фесенков в то лето отправился в тайгу на Сихоте-Алинь к месту падения крупного железного метеорита (упал 12 февраля 1947 г.).

ДА НЕ ОТОБЬЕТСЯ НИ ОДНА ОВЦА (ДО 20ой ВЕЛИЧИНЫ)
ОТ ЭТОГО МНОГОЧИСЛЕННОГО СТАДА!

Эта иллюстрация процесса собирания звезд в каталоги П.П. Паренаго (1906 – 1960) и Б.В. Кукаркиным, замечательна не только художественным исполнением, но и серьезным знанием истории.

В 3-м тыс. до н.э. вавилоняне «баранами» называли звезды, двигавшиеся по небу единым стадом, а блуждавшие среди них планеты – «козлами» (биббу), которые, как более сообразительные существа, обычно служили поводьями в овечьих стадах.

Два рисунка И.С. Шкловского из выпусков «Влазилены» 1947 г.:

Слева: зима в послевоенном ГАИШе – «испытание на морозостойкость». И.С. Шкловскому, наравне со всеми, приходилось колоть дрова во дворе института, отопление было печное. На левом рисунке сотрудник, совершенно зачехневший, покрытый инеем, мечтает оказаться возле печи Кинга, которая, как известно, была не на Пресне, а в Кучино.

На правом рисунке холода уже пережили: сотрудники ГАИШ разъезжаются в экспедиции: А.А. Михайлов и Н.Н. Парийский на самолете, а И.С. Шкловский с основной группой на теплоходе «Грибоедов» отправляются в Бразилию на наблюдение солнечного затмения;

В.Г. Фесенков верхом пробирается, вероятно, к месту падения Сихоте-Алиньского метеорита ...

Центральное место занимает «дело о наблюдательной базе ГАИШ» - о необходимости южной наблюдательной станции заговорили еще в середине 1940-х гг. в старом ГАИШ на Красной Пресне ...

И снова головная боль о тесноте и почти навязчивые мечты об отдельных рабочих кабинетах...

Справа: Марию Ивановну Уранову (1901 – 1961), сотрудницу и секретаря кафедры звездной астрономии, уговаривают сфотографироваться для доски почета. В роли осветителя (в клетчатой кофточке) – Лидия Николаевна Радлова (1913 – 1999).

Далее — на большом развороте альбома коллаж из новогоднего выпуска стенгазеты «Владилена», предваряемый стихами о том, с какими космическими чудесами встречается и лихо расправляется ГАИШ! Перед ними теряется со своими «земными» дарами добравшийся до него Дед Мороз в ночь под новый, 1948 год.

В окошке сатирически изображена «космическая» «Артель Химчистка» с девизом: «Выводим старые пятна, сажаем новые» (на Млечном Пути с его развилкой), в роли приемщицы явно Н.Б. Григорьева. Чистый Млечный Путь действительно усеян темными пятнами пылевых туманностей.

Тем временем П.П. Паренаго вскармливает из соски (конечно же, «молоком» из Млечного Пути) звезды (в виде орущих младенцев), заботясь об их росте и развитии — эволюции вдоль главной последовательности (как-то на одном заседании он «признался», что именно «его трудами был обеспечен рост числа звезд в Галактике»). А в роли молодой особы (мамы?), убегающей от своих отпрысков, похоже, А.Г. Масевич, оставившая «папашу» «с носом». Но куда она спешит? Став в оппозицию (вроде малой планеты), она устремляется к главному управителю малыши планетами Борису Михайловичу Щиголеву (который в свое время немало помучил студентов, задавая параллельные вычисления их орбит, всегда в итоге расходившихся у горе-вычислителей).

А вот и возможная разгадка всей картины: на одном давнем ученом совете в ГАИШ П.П. Паренаго, докладывая о результатах исследований проблемы эволюции звезд вдоль главной последовательности (с потерей массы), проведенных им в творческом содружестве с А. Г. Масевич (1918 — 2008), сказал: «В этой работе мы с Аллой Генриховной взаимно

оплодотворяли друг друга...». Это и не преминул обыграть Иосиф Самуилович.

А небесный механик и гравиметрист проф. Б.М. Щиголев (1891 — 1976), восседая, как на троне, на Земном шаре с портфелем подмышкой, похоже, манит А. Г. пальцем в свою тему (или на свою кафедру).

2-я страница разворота. Верхний рисунок: налаживают радиосвязь (держа телефонные трубки!) два сотрудника ГАИШ — один в солнечной жаре, другой в зимнюю новогоднюю ночь на Земле (но кто это? Трудно понять — на самого автора рисунков — первого радиоастронома ГАИШ не похож; А.Б. Северный, исследовавший Солнце, уже не работал в ГАИШ, а главный солнечник ГАИШ Г.Ф. Ситник (1911 — 1997) не занимался радиоастрономией... Но именно тогда зарождалась радиоастрономия, а затем в ГАИШ был создан отдел радиоастрономии — главное детище И.С. Шкловского как организатора науки и родоначальника гаишевской радиоастрономической школы.

Далее — разгневанный глава небесных механиков Николай Дмитриевич Моисеев (1902 — 1955) разгоняет «возмущенные» элементы планетных орбит своим грозным оружием — костью.

Внизу В.Г. Фесенков, с бляхой главного дворника [№1], выметает из Космоса межзвездную пыль, а слева от него небесный механик Г.Н. Дубошин, сам оказавшийся в «пиковом положении», попав в «область сплошной неустойчивости» движения с неутешительными перспективами....

ГЛАВАМИ НЕПОСВЯЩЕННОГО

Прошел по многим городам.
Вдруг видит дом немалый.
Читает дедка по складам,
Он старичёк вывалий.

Задумчиво метель метёт,
Сугробы вдоль дороги.
Уходит в вечность старый год,
И новый на пороге.

-Ас-тро-но-мич-ный ин-сти-тут.
Полезт в улыбку губы.
-Так стало быть тут те живут,
Что звёзды смотрят в трёбы.

В такую ночь в ночной глуши
Сны сказочные снятся.
В такую ночь на шабаши
На метлах ведьмы мчатся.

Дай погляди на удалцов,
Потешу их ухёнык.
Я принесу им леденцов
И яблочек мочёных.

Проворный черт в такую ночь
Лужи ворует с неба
И, озираясь, скачет прачь,
Взметая тучи снега.

Я всё, что хошь, могу принести
В мешке чудес излишек,
Чай, у меня гостинцев есть
Не только для детишек.

Девушки шепчут свой вопрос,
В такую ночь гадаю,
И новогодний Дед Мороз
По улицам шагает.

Я всё могу, но, чур, молчок
Пока что. Тихо, тихо...
И вот наивный старичёк
Уже у нас в ГАИШ'е.

Под пёстрым расписным мешком
От тяжести он гнётся,
Стучит в окошки посошком,
А сам в усы смеётся.

Глядит — и дыбом волоса,
Усы висят в обиде,
И губы шепчут: "Чудеса",
Но, что же он увидел?

Поскрёб в затылке старый дед,
Сказав не без опаски:
— Я жил на свете тыщи лет,
Я сам пришел из сказки.

А говорят, что сказки лгут.
Куда ж попал я, братцы?
Моим игрушкам где уж тут
С небесными равняться.

Немало вёрст я прочесал,
Везде прошёлся пешим.
Случалось, с ведьмами плясал,
Водил знакомство с лешим.

Уж я-то много повидал
Чудес различной масти.
И то сказать — я сам удал,
Я сам на шулки мастер.

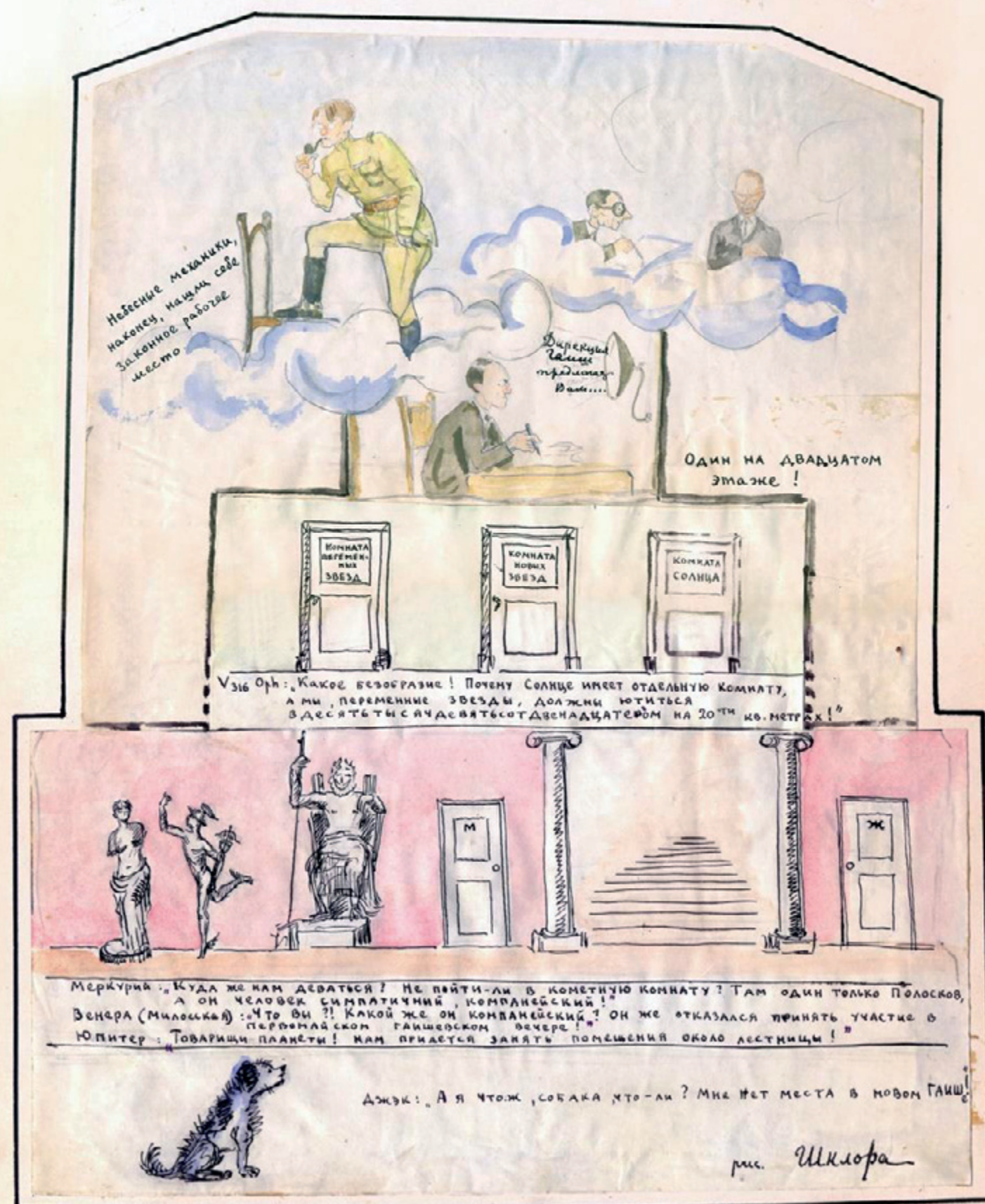

Я был в полях, в горах, в лесах,
Я сам спустился с неба.
Был на обоих полюсах,
А вот в ГАИШ'е не был.

И, зная, попал не в добрый час.
Пойду-ка я обратно.
Такие сказки не про нас.
А так... вообще... занятно.

НЕПОСВЯЩЁННЫЙ

КАРТИНКИ БЛИЗКОГО БУДУЩЕГО

КАРТИНКА БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Левый: в ожидании переезда на Ленгоры.

Правый: Драматическая ситуация с кафедрой астрофизики.

Основанная в начале 30-х В.Г.Фесенковым, она оказалась в послевоенные годы «беспризорной» после ухода с мехмата МГУ крупных астрофизиков Фесенкова, Северного, Мустеля... Судьба ее была неясной и усиленно обсуждалась в ГАИШ.

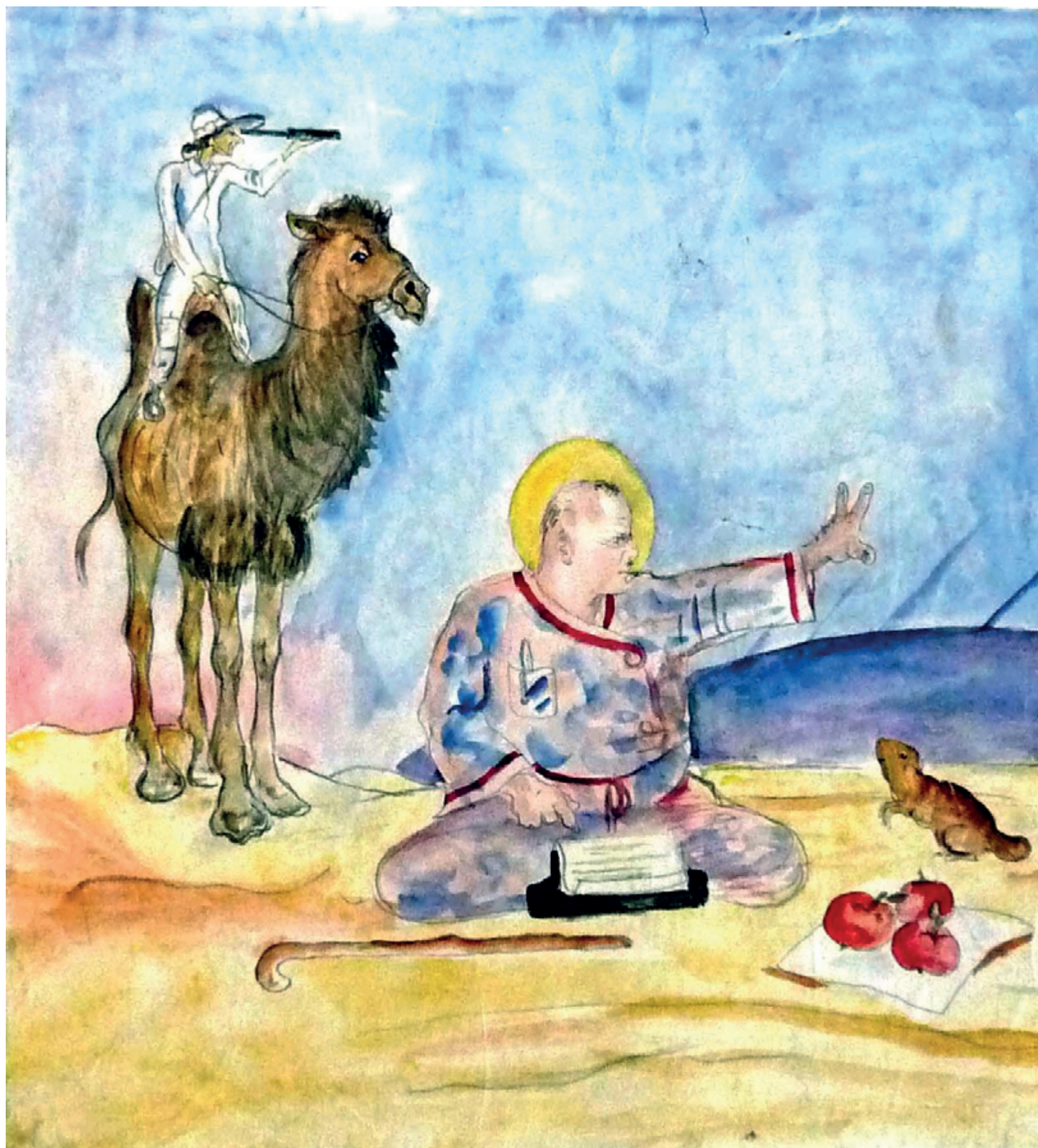
Иллюстрация к блестяще оправдавшемуся
прогнозу Б.В. Кукаркина и П.П. Паренаго,
впервые предвычисливших повторные
вспышки ряда новых звезд.

*Е.Я. Бугославская умоляет дать рецензию
на только что вышедшую ее монографию,
а закрывается от нее кто-то,
очень похожий на Д.Я. Мартынова.*

*Распределение
на летнюю
практику
студентов (или
командировки
сотрудников?)–
гадания и
отчаянный
возглас:
«Опять Алма-
Ата!»).*

Евгения Владимировна Пясковская-Фесенкова (1899 – 1992), «освоившая» езду на верблюдах, и «богоподобный» (увенчанный нимбом) старейшина советской астрономии (старше его на год был только А.А. Михайлов) академик В.Г. Фесенков, не расстающийся и здесь со своей пишущей машинкой, – в Египетской экспедиции, вероятно, в конце 50-х гг. (Рассказывая о ней А.И. Еремеевой, Евгения Владимировна говорила: «Мы даже пробрались в наклонные коридоры пирамид! Ну, мы же тогда были молодые, всего-то 50 лет...».)

Вступительная статья Ю. Менцин
Комментарии Ю. Менцин, А. Еремеева
Техн. ред. И. Лапина
© ГАИШ МГУ, 2016

Вступительная статья Ю. Менцин
Комментарии Ю. Менцин, А. Еремеева
Техн. ред. И. Лапина
© ГАИШ МГУ, 2016